

Аверченко Аркадий Тимофеевич

Шестая держава

Спермин

Это была самая скучная, тоскливая сессия Думы.

Вначале еще попадались некоторые неугомонные читатели газет, которые после долгого сладкого зевка оборачивались к соседу по месту в трамвае и спрашивали:

-- Ну, как Дума?

А потом и эти закоренелые политики как-то вывелись...

Голодным, оборванным газетчикам приходилось долго и упорно бежать за прохожим, заскакивая вперед, растопыривая руки и с мольбой в голосе крича:

-- Интересная газета!! Бурное заседание Государственной Думы!

-- Врешь ты все, брат, -- брезгливо говорил прохожий. -- Ну, какое там еще бурное?..

-- Купите, ваше сиятельство!

-- Знаем мы эти штуки!..

Отодвинув рукой ослабевшего от голода, истомленного нуждой газетчика, прохожий шагал дальше, а газетчик в слепой, предсмертной тоске метался по улице, подкатывался под извозчиков и хрипло, стая, кричал:

-- Интересная газета! На Малой Охте чухонка любовника топором зарубила!! Купите, сделайте милость!

И жалко их было, и досадно.

Неожиданно среди общего сна и скуки, как удар грома, грянул небывалый скандал в Думе.

Скандал был дикий, нелепый, ни на чем не основанный, -- но все ожило, зашевелилось, заговорило, как будто вспрыснутое живительным летним дождиком.

Негодование газет не было предела.

"После долгой спячки и пережевывания никому не нужной вермишели -- Дума наконец проснулась довольно своеобразно и самобытно: правый депутат Карнаухий закатил такой скандал, подобного которому еще не бывало... Встреченный во время произнесения своей возмутительной речи с трибуны общим шиканьем и протестами, -- Карнаухий выругался непечатными словами, снял с ноги сапог и запустил им в председательствующего... Когда к нему бросились депутаты, он выругал всех хамами и дохлыми верблюдами, и потом, схватив стул, разбил голову депутату Рыбешкину. Когда же наконец прекратятся эти возмутительные бесчинства черносотенной своры?! Исключение наглого хулигана всего на пять заседаний должно подлить лишь масла в огонь, так как ободрит других и подвинет на подобные же бесчинства! Самая лучшая мера воздействия на подобных господ -- суд и лишение депутатского звания!"

Газетчики уже не бегали, стая, за прохожими. Голодное выражение сверкавших глаз сменилось сытым, благодушным...

Издателю большой ежедневной газеты Хваткину доложили, что к нему явился депутат Карнаухий и требует личного с ним свидания.

-- Какой Карнаухий? Что ему надо? -- поморщился издатель. -- Ну, черт с ним, проси.

Рассыльный ушел. Дверь скрипнула, и в кабинет, озираясь, тихо вошел депутат Карнаухий.

Он подошел к столу, придвинув себе стул, сел лицом к лицу с издателем и, прищурившись, молча стал смотреть в издательское лицо.

Издатель подпер голову руками, облокотился на стол и тоже долго, любясь, смотрел в красное, широкое лицо своего гостя.

-- Ха-ха-ха! -- раскатился издатель неожиданным хохотом...

-- Хо-хо-хо! -- затрясся всем своим грузным телом Карнаухий.

-- Хи-хи-хи!

-- Го-го-го!

-- Гы!

-- Да и ловкач же ты, Карнаухий!

Сквозь душивший его хохот Карнаухий скромно заявил:

-- Чего ж ловкач... Как условлено, так и сделано. Доне муа того кельк-шозу, который в той железной щикатулке лежит!